

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107

Научная статья / Research article

«Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России

А.А. Ирхин, О.А. Москаленко

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. Внешнеполитическая активность Р.Т. Эрдогана показывает, что современная модель мирового порядка уже не удовлетворяет видению ближайшего будущего Турецкой Республики. «Мир больше пяти» — формула, предлагаемая первым лицом Турции с 2013 г. Однако Анкара меняет мир не только на эмоциональном уровне — по крайней мере, в нескольких ключевых регионах, но и на уровне воздействия на него через «жесткую и мягкую силу»: Восточное Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, Черноморский регион, Кавказ и Центральная Азия. Авторы рассматривают основные показатели турецкой «мягкой» и «жесткой силы»: военный, экономический, технологический факторы и фактор притягательности широкой массовой культуры — с целью определить геополитические возможности Турции в качестве влиятельного глобального актора в ближайшей исторической перспективе и выявить последствия приобретения такого статуса для двусторонних российско-турецких отношений. Были применены геополитический, цивилизационный и системный подходы с требуемым в каждом случае набором методов для решения конкретной исследовательской задачи. Исследование осуществлено в рамках парадигмы классической и критической геополитики. За время нахождения у власти Партии справедливости и развития умеренные исламисты дали стране новый импульс развития, который можно охарактеризовать как возвращение к своим цивилизационным корням. Государство сделало заметные успехи в развитии экономики, военно-промышленного комплекса, армии и флота и позиционировании себя в мире как защитника всех мусульман. Современную Турцию можно определить как великую региональную державу с секторальным глобальным лидерством в военных показателях и в области притягательности модели развития — успешного мусульманского государства. Анкара инвестирует значительные средства в «мягкую силу», а ее успех основывается на существовании турецкой идеологии развития как синтеза неоосманских, неопантюркистских и панисламистских идей в определении картины будущего. Возрождение Турции в качестве региональной державы и ее стремление стать мировой державой неизбежно будет увеличивать пространство противоречий в российско-турецких отношениях, сокращая сферу сотрудничества двух держав.

Ключевые слова: Турция, Россия, «мир больше пяти», великая держава, США, неоосманизм, Крым, «мягкая сила», «жесткая сила», Черноморско-Средиземноморский регион

Для цитирования: Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91—107. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107

“The World is Bigger than Five”. Turkey’s Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia

Aleksandr A. Irkhin, Olga A. Moskalenko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. The foreign policy realized by Turkey’s president clearly evidences the fact that Erdogan does not accept today’s world order as a model for the near future. This has led to the proposition of *The World Is Bigger*

© Ирхин А.А., Москаленко О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

than Five formula since 2013. At least in several key regions, Ankara attempts to change the world order through more than emotional declarations; it uses both hard and soft power in the Eastern Mediterranean, Middle East, Black Sea region, Caucasus, and Central Asia. The main indicators of Turkish soft and hard power (military, economic, technological factors, and attractiveness of mass culture) are examined to identify possibilities of Turkey to change the balance of power in key regions and on a global scale. From 2007, the vision of Turkey as an influential actor globally has been propagated by the Turkish elite of the Justice and Development Party (AKP). Geopolitical, civilizational, and systematic approaches are used. The research process is carried out within the paradigm of classical and critical geopolitics. During the AKP's time in power, moderate Islamists gave Turkey a new impetus — a return to its civilizational roots. One must note the state's development of its economy, military-industrial complex, and the new national position globally as a patron of every Muslim. Modern Turkey can be considered a great regional power with sectoral global leadership in its military attainment, and due to the attractiveness of its model of development. Ankara invests heavily in soft power, its success is based on the Turkish development ideology, which represents a synthesis of neo-Ottoman, neo-Pan-Turkic and pan-Islamic ideas. The revival of Turkey as a regional power and its desire to become a world power will inevitably increase the space of contradictions in Russian-Turkish relations, reducing the sphere of cooperation between the two countries.

Key words: Turkey, Russia, “The World is Bigger than Five”, great power, USA, Neo-Ottomanism, Crimea, “soft power”, “hard power”, Black Sea and Mediterranean Region

For citation: Irkhin, A.A., & Moskalenko, O.A. (2021). “The World is Bigger than Five”. Turkey's Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 91—107. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107

Введение. «Мир больше пяти»

Выступая на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций (ГА ООН) в сентябре 2019 г., президент Турции Р.Т. Эрдоган повторил тезис, с 2013 г. ставший его визитной карточкой: «Мир больше пяти» (*Dünya Beşten Büyüktür*), критикуя структуру и систему принятия важных решений управления миром внутри ООН, когда пять постоянных членов Совета Безопасности (СБ) ООН имеют привилегированный статус. Р.Т. Эрдоган отметил, что современный мировой порядок был создан после Второй мировой войны с целью устранения несправедливости. Однако сегодня международная общественность шаг за шагом теряет способность к разработке путей устранения долгосрочных угроз для будущего человечества. Он также пояснил, что современный мир столкнулся с кризисом справедливости: недопустимо, чтобы одна часть мира жила в условиях высокого благосостояния и роскоши, а другая — пребывала в нищете и невежестве; меньшая часть человечества обсуждает высокие технологии, создание роботов, искусственного интеллекта, проблему ожирения, тогда как более чем 2 млрд человек живут за чертой бедности, а еще 1 млрд — голодает. Будущее мира не должно зависеть

от решения постоянных членов СБ ООН. Путем коренных реформ необходимо обеспечить справедливость — требуются срочные перемены. Турция — государство, чья деятельность нацелена на справедливость и справедливое урегулирование проблем на международной арене¹.

Президент Турции перечислил проблемы современного мира, показав свою обеспокоенность притеснением мусульман в разных регионах: от Кашмира и Палестины, Южного Кавказа, Северо-Западного Китая до Балкан и Северной Африки, подчеркнув, что Анкара не позволит строить новый мировой порядок за счет мусульман. Кроме того, Р.Т. Эрдоган подверг критике сложившийся привилегированный ядерный клуб, когда его члены, с одной стороны, используют фактор ядерного оружия для политического давления, а с другой — запрещают его разработку в иных странах: мир должен либо отказаться от ядерного оружия и уничтожить его запасы, либо позволить другим его иметь², —

¹ Выступление президента Турецкой Республики г-на Реджепа Тайипа Эрдогана // ООН. 24.09.2019. С. 23—30. URL: <https://undocs.org/ru/A/74/PV.3> (дата обращения: 30.11.2020).

² Выступление президента Турецкой Республики г-на Реджепа Тайипа Эрдогана // ООН. 24.09.2019.

заклучил Р.Т. Эрдоган. Налицо заявка государственного лидера на решающую роль в формирующемся новом мировом порядке.

Цель статьи — определить геополитические возможности Турции в качестве влиятельного глобального актора в ближайшей исторической перспективе и выявить последствия приобретения такого статуса для двусторонних российско-турецких отношений. Авторы руководствуются логикой последовательного решения следующих задач, а именно:

— анализа турецкого потенциала по четырем показателям силы: военному, экономическому, технологическому и фактору «мягкой силы»;

— выявления идеологических оснований политики Партии справедливости и развития (ПСР), которые позволяют государству сформировать привлекательный для других стран и народов проект будущего совместного развития;

— идентификации внешних условий, которые позволили руководству Турции пересмотреть свои внешнеполитические установки и перейти к активной и наступательной внешней политике;

— оценки возможности, перспективы и угрозы турецкого усиления для Российской Федерации.

Объект исследования — внешняя политика Турецкой Республики (ТР) с момента прихода к власти ПСР. Предмет — система мер руководства Турцией по становлению государства в качестве влиятельного глобального актора. В основе используемой методологии — системный, геополитический и цивилизационный подходы.

Авторы опираются на аналитические доклады ведущих зарубежных аналитических центров Stockholm International Peace Research Institute (2020), Center for Strategic and International Studies (2012), Barcelona Centre for International Affairs (2011), RAND Corporation (2020) и др., статистические данные ресурсов CIA World Factbook, Global Firepower Index, SIPRI Military Expenditure

Database, Trading Economics; приводят результаты исследований последних лет турецких и английских ученых, а также учитывают в работе существенный вклад в изучение заявленной научной и политической проблемы и смежных тем российских исследователей: В.А. Аваткова [2019], А.А. Ирхина [2016], В.А. Надеина-Раевского [2019], Н.Ю. Ульченко [2012], П.В. Шлыкова [Ульченко, Шлыков 2014], М.А. Шпаковской и О.В. Барнашова [2018].

Современная Турция

Турецкая Республика — пример уникального государства, причем как с точки зрения цивилизационного, так и геополитического развития. Современная Турция — наследница Османской империи, которая без малого на протяжении полутысячелетия, с 1453 по 1923 г., была одним из имперских центров Евразии.

Высшая точка геополитического развития Османской империи приходится на XVI в., когда владения османов превышали территориальный ареал Римской империи [Кеннеди 2018: 39]. Еще задолго до XVI в. мусульманский мир в своем развитии — как в культурном, так и техническом — значительно опережал Европу, главенствуя в таких областях науки и техники, как математика, картография, медицина, обработка металлов, производство пушек, строительство маяков, выращивание лошадей, и во многих других сферах [Кеннеди 2018: 39].

В период между чрезмерным ослаблением Османской империи и формированием ТР в начале XX в. турецкая элита испытала на себе действие так называемого «Севрского синдрома» [Larrabee, Lesser 2003: 135, 162]. Подписав в августе 1920 г. Севрский мирный договор, османская элита потеряла, по сути, большую часть оставшейся территории и ощутила на себе давление объединенного Запада. Однако в 1923 г. этот период закончился через национально-освободительную войну и формирование ТР, создание которой было закреплено подписанием Лозаннского договора (1923 г.), за чем последовала вестернизация Турции, которая в годы

холодной войны сменилась западнцентристским курсом. Таким образом, на протяжении более чем 70 лет Турция пыталась и в цивилизационном, и в геополитическом пространстве стать частью Запада.

Окончание холодной войны открыло перед ТР ряд внешнеполитических перспектив, которые одновременно стали вызовами: в начале 1990-х гг. выдвигаются идеи пантюркизма, а с приходом к власти в 2002 г. ПСР, которая продолжает руководить страной, идеи пантюркизма были интегрированы во внешнеполитические концепции панисламизма и неоосманизма. Современный внешнеполитический курс Турции в идеологическом пространстве включает в себя три направления: *неоосманизм, неопантюркизм и неоисламизм*. При этом первые две идеологические платформы имеют региональный и макрорегиональный характер, а последняя — глобальный.

По сути, с 2002 г. турецкая политическая элита начала процесс контрреволюционных реформ в отношении того цивилизационного выбора, который она сделала после 1923 г. С. Хантингтон [2016] называет этот процесс *индигенизацией* — когда второе и третье поколения незападной элиты возвращаются своим цивилизационным корням развития.

После 2002 г. ПСР, приобретя в Турции статус правящей, делает значительные внешнеполитические успехи, проводит экономические и технологические реформы, возвращает Республику к своим цивилизационным корням, а Анкара получает возможность утвердиться в Черноморском регионе и в регионе Восточного Средиземноморья в качестве регионального лидера, а также претендовать на более масштабную роль в мировой политике.

Современная Турция является одним из растущих центров геополитического влияния. У действующей турецкой политической элиты рубежным этапом развития обозначается 2023 г. — год столетия создания ТР. Правящая турецкая элита планирует, что к этой базовой точке государство подойдет, демонстрируя военное, экономическое, технологическое лидерство и притягательную массовую культуру не только в региональном, но и в глобальном масштабе [Ульченко 2012: 91—92].

Первая мировая война вынудила Турцию отказаться от имперского статуса; в рамках Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений ТР прошла путь от южного фланга НАТО до региональной державы — после ослабления и дезинтеграции СССР. Тем не менее с 2007 г. руководство ПСР продвигает идею о становлении Турции в качестве влиятельного глобального актора, что зафиксировано в содержании партийной программы 2007 г.³

Так, состоявшиеся в 2007 г. парламентские выборы не только подтвердили успех ПСР, но и определили для правительства спектр новых задач. Функционеры ПСР поставили перед собой цель придать внешней политике новое качественное измерение: она должна была стать более амбициозной, наступательной и независимой. Собственно эта цель — придать новое качество внешней политике — была заявлена в предвыборной декларации ПСР 2007 г. Турция больше не ограничивалась стремлением стать «региональной силой»: теперь предстояло превратить страну во «влиятельного глобального актора», для чего требовалось, «отказавшись от позиции страны, реагирующей на международные кризисы и обороняющейся, вооружившись региональным и глобальным видением, стать силой, влияющей на характер международного развития» [Ульченко 2012: 97].

Следующий этап пересмотра Турцией существующего мирового порядка относится уже к 2013—2014 гг.: именно в этот период Р.Т. Эрдоган, будучи премьер-министром, выдвигает тезис «Мир больше пяти». Эти слова зазвучали на различных внутренних и международных платформах, демонстрируя разочарование руководства Турции в системе ООН. Например, во время выступления на сессии ГА ООН 24 сентября 2014 г. лидер Турции использовал тезис «Мир больше пяти», чтобы привлечь внимание к трагическим последствиям привилегированного

³ AK Parti'nin seçim beyannamesi: Guven ve İstikrar icinde durmak yok yola devam // Akparti resmi sitesi. Haziran, 2007. URL: <http://www.akparti.org.tr/media/272213/2007-2007-secim-beyannamesi-ozet.pdf> (accessed: 30.11.2020).

присутствия пяти постоянных членов, а именно США, Великобритании, Франции, Китая и России в СБ ООН.

В своем обращении к ГА ООН осенью 2018 г. Р.Т. Эрдоган повторил девиз и заявил: «Совет Безопасности стал служить только интересам его пяти постоянных членов, обладающих правом вето, при этом со стороны наблюдая за притеснениями в других частях мира... мы подчеркиваем необходимость проведения всеобъемлющей реформы структуры и работы Организации Объединенных Наций, в частности Совета Безопасности. Мы считаем, что, когда мы говорим, что “мир — это больше, чем пятерка государств”, мы вторим голосу здравого смысла всего человечества»⁴.

Если рассматривать традиционные параметры силы государства: военный, экономический, технологический, а также фактор притягательности широкой массовой культуры, то можно констатировать региональное лидерство современной Турции по первому и последнему параметрам.

Обобщенные в табл. 1 статистические данные (на основе информации ресурса CIA World Factbook на 2020 г.⁵) позволяют определять позицию Турции в Черноморском регионе как регионального лидера.

Фактор притягательности массовой культуры, в более широком смысле определяемый как продвижение мироустроительной концепции новой Турции, целью которой является лидерство в суннитской части исламского мира, позволяет Анкаре получить статус региональной державы с секторальным лидерством в глобальном масштабе, о чем речь пойдет ниже.

Концептуальные основы внешней политики Турецкой Республики

Распад Ялтинско-Потсдамской системы и советского проекта спровоцировал

⁴ Выступление президента Турецкой Республики г-на Реджепа Тайипа Эрдогана // ООН. 24.09.2019. С. 23—30. URL: <https://undocs.org/ru/A/74/PV.3> (дата обращения: 30.11.2020).

⁵ CIA World Factbook // CIA. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> (accessed: 30.11.2020).

трансформацию существующих идентичностей великих держав по всему миру [Irkhin, Moskalenko, Nelina, Beloglazov, Demeshko 2020]. Не исключением оказалась и Турция, которая использует возможности для восстановления статуса региональной державы, опираясь на идеологию единения всех тюркских народов. Также выдвигаются идеи панисламизма, создания «пространства стратегической глубины», которая обосновывается популяризирующей идеологией неоосманизма. С 2016 г., после отставки А. Давутоглу с поста премьер-министра Турции, концепция «стратегической глубины» трансформируется в концепцию «морального реализма» [Keyman 2017].

А. Давутоглу, который в настоящее время является оппозиционным политиком и лидером «Партии будущего» (*Gelecek Partisi*), внес существенный вклад в имперское возрождение Турции и развитие правящей с 2002 г. партии. Именно он дал концептуальное обоснование идеологии неоосманизма, которая подразумевает отказ от прагматичной политики, диктуемой интересами национального государства, во имя преобразования Турции в глобальный центр ислама⁶.

Э. Уастнидж отмечает, что в различных исследованиях встречаются как минимум три интерпретации неоосманизма, причем все они присущи внешнеполитическому курсу ПСР: во-первых, Османская империя как колыбель цивилизации; во-вторых, Османская империя как исламская империя; в-третьих, Османская империя как империя мультикультурализма [Wastnidge 2019].

Российские исследователи, обобщая различные научные трактовки неоосманизма, выделяют точку зрения, при которой неоосманизм воспринимается как «идеология, которая стремится выйти на более широкий геополитический охват, используя географические преимущества Турции, находящейся на стыке Востока и Запада... синтез турецкого ислама, привнесенного во внешнюю политику» [Шпаковская, Барнашов 2018: 32].

⁶ Erdogan Getting Rid of Neo-Ottomanism // Katehon. URL: <http://www.katehon.com/ru/node/27201> (accessed: 30.11.2020).

Таблица 1 / Table 1

Соотношение параметров лидерства в Черноморском регионе /
Parameters of Leadership in the Black Sea Region

Государство / Country	Площадь, км ² / Total area, km ²	Береговая линия, км / Length of coastline, km	Сухопутная граница, км / Land border, km	Население, чел. / Population	ВВП, долл. США / GDP, billion USD	Государственный долг, % от ВВП / National debt, % of GDP	Военный бюджет, % от ВВП / Military expenditures, % of GDP
Россия / Russia	17 098 242	38 403	22 408	143 722 205	4016,0	15,5	3,9
Турция / Turkey	783 562	7 200	2 816	82 017 514	2186,0	28,3	1,89
Грузия / Georgia	69 700	310	1 814	3 997	39,85	44,9	2
Украина / Ukraine	603 550	2 032	5 618	43 922 939	369,6	71	3,9
Болгария / Bulgaria	110 879	354	1 806	6 966 899	153,5	23,9	3,25
Румыния / Romania	238 391	225	2 844	21 302 893	483,4	36,8	2,04
Молдова / Moldova	33 851	0 (п. Джурджулешты) / 0 (Port of Giurgiulești)	1 885	3 364 496	23,72	31,5	0,4

Источник / Source: составлено авторами по данным CIA World Factbook // CIA. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> (accessed: 30.11.2020)

Показательным является сравнение по ключевым параметрам концепций «стратегической глубины» и «морального реализма», что позволяет судить о характере эволюции внешней политики ТР. Турецкая «Стратегическая глубина» может быть описана рядом взаимосвязанных параметров: «Турция как центральное государство», «приоритет “мягкой силы”», «ноль проблем с соседями», «экономическая взаимозависимость», «историческое наследие», «гуманитарная дипломатия», «международное посредничество», «страна-модель», «энергетический хаб-коридор»⁷. Каждый из упомянутых параметров в турецкой системе внешней политики должен был работать на достижение главной цели — вынесения в глубь турецкой территории стратегически важных центров развития государства за счет воссоздания османского пространства. Таким образом, речь идет

о воссоздании новой усеченной Османской империи на основе новых/старых смыслов.

Анализ концептуальных основ внешней политики Турции позволяет сделать вывод, что ее базовым принципом, несмотря на отставку в 2016 г. А. Давутоглу с поста премьер-министра, остается его концепция «Стратегическая глубина», хотя в настоящее время на официальном и экспертном уровне декларируется существенный отход от нее в сторону более жестких методов ведения политики [Keuman 2017]: исключается приоритет «мягкой силы» над «жесткой» и принцип «ноль проблем с соседями».

Вместе с тем переход к «жесткой силе» был связан и с объективными причинами — новыми явными вызовами национальной безопасности, возникшими во втором десятилетии XXI в., такими как: борьба с ДАИШ (ИГИЛ, ИГ, «Исламским государством»⁸),

⁷ Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre yayınları, 2001.

⁸ Организация запрещена в РФ.

силовое участие в сирийском кризисе, вооруженное противостояние с курдскими движениями (Рабочая партия Курдистана и региональные филиалы партии), миграционный кризис, сдерживание экспансии Ирана и России, проблема «несостоявшихся государств», которые могут дать импульс созданию курдского государства, силовая политика США в регионе — заставили руководство Турецкой Республики перейти к более отвечающим таким вызовам методам, которые уже не могла обеспечивать «мягкая сила» [Ирхин 2019: 56].

Турция в западной системе безопасности и турецкие национальные интересы

Несмотря на то что Турция, лишившаяся имперского статуса в результате Первой мировой войны, может быть отнесена к «коллективному Востоку», она является частью современной западной системы безопасности. Одним из последствий холодной войны оказывается сохранение НАТО, где ТР представлена как один из активных и ключевых членов. Стратегическое партнерство с Турцией уже более семи десятилетий является центральным элементом стратегии США в Средиземноморском регионе и на Ближнем Востоке.

Турция остается мощным участником Организации Североатлантического договора и имеет ключевое влияние в трех регионах, которые становятся все более важными для безопасности США после окончания холодной войны: Левант, Ближний Восток и Персидский залив, а также Кавказ и Центрально-Азиатский регион. Во всех перечисленных регионах Турция стремится играть сегодня более весомую роль, чем десятилетия назад. Турция контролирует (в соответствии с международными конвенциями) проливы Босфор и Дарданеллы, которые связывают Черное море со Средиземным.

Соединенные Штаты и Турция давно и продуктивно сотрудничают по ряду глобальных проблем, включая борьбу с терроризмом и экстремизмом, в сфере предотвращения распространения оружия массового

уничтожения, укрепления энергетической безопасности и содействия процветанию и развитию [Flanagan, Larrabee, Binnendijk, Costello, Efron et al. 2020].

В то же время возвращение Анкары к логике османского развития в целом ослабляет «коллективный Запад» и возвращает Турции утерянный столетие назад статус субъекта региональной и мировой политики. Не первый раз возникает проблема нестыковки блоковых и национальных интересов, когда Анкара, как это было во время Кипрского кризиса 1974 г., отдает безусловное предпочтение национальным интересам и готова отстаивать их силой оружия.

После окончания Второй мировой войны и на протяжении последующих 50 лет Турция являлась последовательным и покорным союзником США. Единственным исключением был уже упомянутый Кипрский кризис 1974 г., за которым последовали американские санкции. Вашингтон создал систему долговременного влияния на внешнюю и внутреннюю политику Анкары, вписывающуюся во внешнеполитическую стратегию США в отношении Турции. Этим фактором можно объяснить регулярные военные перевороты последних десятилетий в Турции, однако последняя попытка в 2016 г. оказалась неудачной в том числе вследствие масштабных армейских реформ и отстранения значительного числа офицеров, которые были связаны с обучением и стажировками в США и не проявляли лояльности к правящей партии.

В целом одним из достижений ПСР является ликвидация модели зависимого развития турецкого государства от США, которую Вашингтон выстраивал с 1945 г. Она основывалась на американском контроле ключевых элементов турецкого общества: армии, части экономики, турецкой элиты и моделировании внешней политики через втягивание Анкары в проамериканские блоки [Ирхин 2016: 23—75]. Ликвидация американской системы долговременного влияния на Турцию позволила властям в XXI в. проводить более независимую внешнюю и внутреннюю политику.

Военное лидерство и экономическая модернизация

После вступления в Североатлантический альянс в 1952 г. Турция стала его южным флангом, располагая второй по численности армией в блоке после США⁹. С 1948 по 1975 г. Турция получила от США военную помощь на сумму более 4,5 млрд долл. США [Aliriza, Aras 2012: 3].

Показательным для понимания американского подхода к Турции в сфере обеспечения безопасности в годы холодной войны является диалог между сенатором А. Вайли и государственным секретарем Дж.Ф. Даллесом, состоявшийся в американском Сенате в 1957 г.:

«*Вайли*: Правда ли, что содержание одного турецкого солдата обходится в 300 долларов в год?

Даллес: Да, в этих пределах.

Вайли: А правда, что один американский солдат обходится нам более чем в 6000 долларов?

Даллес: Да.

Вайли: В таком случае держать на войне турка с экономической точки зрения выгодно»¹⁰.

По итогам этого диалога Министерством обороны США было сделано уточнение и представлено Сенату: содержание турецкого солдата обходилось бюджету США в 234 долл. США, а содержание американского солдата на территории Турции обходилось бы в 5463 долл. США ежегодно¹¹.

Природа современного военного лидерства Анкары имеет качественное отличие. Руководство ПСР стремится к достижению технологической самодостаточности турецко-

го военно-промышленного комплекса (ВПК), тогда как до прихода умеренных исламистов к власти в военно-технологическом плане турки в значительной степени были зависимы от своих партнеров по НАТО, прежде всего США.

В Глобальном индексе военной мощи (Global Firepower Index) за 2020 г. Турция занимает 11-ю позицию из 138¹². Данный рейтинг строится на основе комплексной оценки военной мощи государств мира: интегрированный показатель выводится в зависимости от размеров военного бюджета, численности армии, количества танков, самолетов, подводных лодок и авианосцев; он основан на учете обычного вооружения, а также других факторах, среди которых экономическая мощь, протяженность границ, самодостаточность (в отношении ресурсов, таких как нефть), доступ к воде и проч. Турция уступает в рейтинге США, России, Китаю, Индии, Японии, Южной Корее, Франции, Великобритании, Египту и Бразилии¹³.

По данным Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI), за последние 10 лет Турция постоянно повышала свои военные расходы¹⁴. Статистические данные с ресурса Trading Economics, обобщающего и анализирующего более 20 млн экономических показателей для 196 стран мира, позволяют говорить о стабильной динамике роста за последнее десятилетие (рис. 1).

В настоящее время Турция обладает второй по численности армией в блоке НАТО и динамично развивающимся военно-промышленным комплексом [Ирхин 2016: 18]. Планы и программы экономического развития Турции в последнее время неизменно включают стратегическую задачу обеспечения сдвига

⁹ Defence and Security Policy of the Turkish Republic // CIDOB International Yearbook 2011. Country Profile: Turkey. CIDOB, 2011. P. 241—247.

¹⁰ The President's Proposal on the Middle East. Hearings before the Committee on Foreign Relations and the Committee on Armed Services US Senate. 85th Congress. 1st Session. Part 1. Washington, 1957. P. 456. URL: <https://books.google.com/books?id=d8ZEAQAAMA-AJ&lpq=PA456&ots=LKdZ1Qq82i&dq=dulles%20wiley%20turkish%20soldier&hl=ru&pg=PP5#v=onepage&q&f=false> (accessed: 30.11.2020).

¹¹ Ibid.

¹² Turkey Military Strength (2020) // Global Firepower. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=turkey (accessed: 30.11.2020).

¹³ 2020 Military Strength Ranking // Global Firepower. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (accessed: 30.11.2020).

¹⁴ Military expenditure by country, in constant (2018) US\$ m., 1988—2019 // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932019%20in%20constant%20%282018%29%20USD.pdf> (accessed: 30.11.2020).

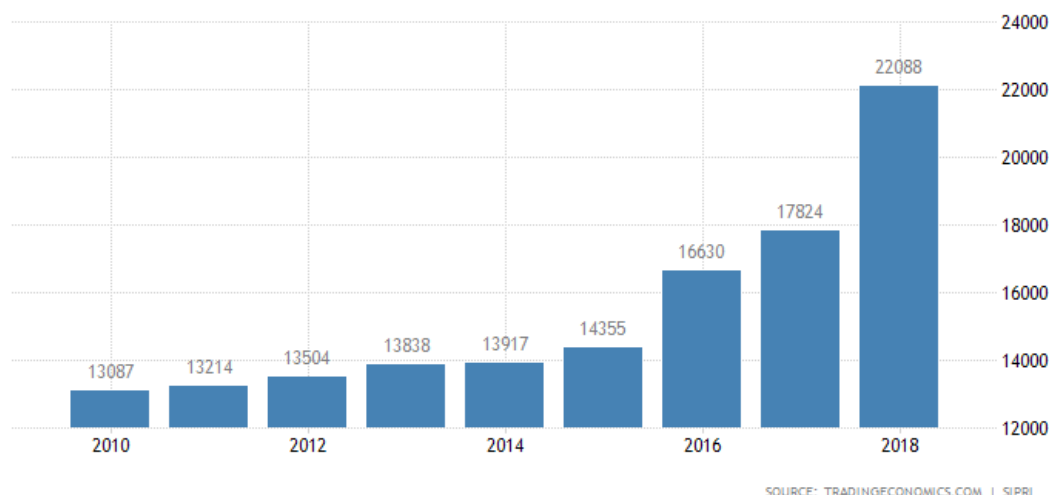

Рис. 1. Военные расходы Турецкой Республики в 2010—2018 гг., млн долл. США / Fig. 1. Turkey's Military Expenditures in 2010—2018, millions USD

Источник / Source: Turkey Military Expenditure // Trading Economics.

URL: <https://tradingeconomics.com/turkey/military-expenditure> (accessed: 30.11.2020)

в пользу производства продукции с высокой добавленной стоимостью. К 2023 г. — столетнему юбилею Республики — турецкая элита правящей партии планирует достигнуть превращения Турции в страну, производящую и экспортирующую свои винтовки, пушки, танки, вертолеты, самолеты, в том числе беспилотные [Ульченко 2012: 92].

Турецкие военные в настоящее время присутствуют по крайней мере в девяти странах, от Ирака до Сомали, а также на территории не признанной на международном уровне Турецкой Республики Северного Кипра и имеют большую военную базу в Катаре. Кроме того, Турция контролирует участки территории на севере Сирии после серии трансграничных операций¹⁵. Возвращение Турции в Закавказье и стремление в Центральную Азию, возможно, расширит военное присутствие государства в этих регионах. Таким образом, турецкие военные находятся в Ливии, Сирии, Ираке, Катаре, Сомали, на Кипре, в Афганистане, Азербайджане¹⁶.

¹⁵ Yackley A. How Turkey Militarized Its Foreign Policy // Politico. 15.10.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/how-turkey-militarized-foreign-policy-azerbaijan-diplomacy/> (accessed: 30.11.2020).

¹⁶ Nasaoglu S. Mapping the Turkish Military's Expanding Footprint // The Washington Post. 31.08.2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/business/energy/mapping-the-turkish-militarys-expanding-footprint/2020/>

Турция стремится увеличить военное присутствие в Албании¹⁷, а в августе 2020 г. проявились намерения турецкой стороны по дальнейшему расширению военного турецкого присутствия в Западной Африке — Нигере¹⁸.

Р.Т. Эрдоган называет современную военно-политическую активность турецкого государства военными инвестициями, которые проходят в условиях глобального экономического кризиса и экономического спада в Турции и являются необходимым условием для восстановления доминирования Турции на историческом пространстве Османской империи в Средиземноморье и на Ближнем Востоке до ее распада после Первой мировой войны¹⁹.

08/28/0ac8a114-c8e3-11ea-bf44-0d31c85838a5_story.html (accessed: 14.12.2020).

¹⁷ Габриэлян А. Турция усиливает военное присутствие за рубежом // Институт Ближнего Востока. 07.03.2017. URL: <http://www.iimes.ru/?p=33110> (дата обращения: 14.12.2020).

¹⁸ Лавров А. Место — силе: зачем Анкаре понадобилась военная база в Нигере // Известия. 15.08.2020. URL: <https://iz.ru/1048403/anton-lavrov/mesto-sile-zachem-ankare-ponadobilas-voennaia-baza-v-nigere> (дата обращения: 14.12.2020).

¹⁹ Yackley A. How Turkey Militarized Its Foreign Policy // Politico. 15.10.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/how-turkey-militarized-foreign-policy-azerbaijan-diplomacy/> (accessed: 30.11.2020).

Оценка развития турецкой экономики представляется более сложной задачей. Макроэкономические показатели выглядят весьма оптимистично (динамично растущий ВВП и отсутствие перекредитованности), однако финансовая нестабильность национальной валюты добавляет к позитивной картине высокую степень неопределенности. Успехи умеренных исламистов в модернизации турецкой экономики очевидны даже для их политических оппонентов. За время правления ПСР структура турецкой экономики значительным образом изменилась. Благодаря политической стабильности после выборов 2002 г. и связанным с ними экономическим и финансовым реформам ВВП на душу населения увеличился более чем в три раза и составил около 10 000 долл. США, а государственный долг как процент от ВВП заметно снизился: с 70 до 28 %. Уровень инфляции снизился до однозначных цифр после 34 лет очень высоких показателей, в то время как экспорт резко вырос с 36 млрд долл. США до более чем 168 млрд долл. США. Резкий рост демонстрирует и промышленный сектор. Между 2002 и 2017 гг. отраслевой сектор вырос на 163 %, значительно превысив общий показатель экономического роста, который составил 131 % [Gür, Tatliyer, Dilek 2019].

В 2011 г. правительство активно разрабатывало долгосрочные прогнозы развития Республики, ориентируясь опять же на 2023 г. Предполагалось, что к этой дате Турция войдет в число 10 крупнейших экономик мира²⁰. Глобальный экономический кризис, начавшийся в 2008 г., существенно повлиял на экономический рост Турции. Так, фактически в результате сильных колебаний мировой экономики и финансов в последнее десятилетие многие страны, такие как Турция, столкнулись с определенными макроэкономическими проблемами, которые включали высокий уровень дефицита текущего счета и повторное появление двузначных темпов инфляции спустя долгое время. И здесь

ощутимо проявилась уязвимость экономической модели Турции. Поскольку государство в значительной степени зависит от внешних источников энергии и промежуточных товаров, оно переживает рост дефицита текущего счета в периоды высокого экономического роста. Следовательно, рост стоимости импортных промежуточных товаров из-за обесценивания турецкой лиры, а также некоторые структурные проблемы в сельском хозяйстве и цепочках поставок продовольствия вызвали умеренный рост инфляции в 2017 г.

Однако ни обострение дефицита текущего счета, ни рост уровня инфляции не могут объяснить подобный скачок волатильности обменного курса в такой короткий промежуток времени — непросто обосновать обесценивание лиры в 2018 г. только с экономической точки зрения. В период с мая по август 2018 г. Турция пережила одно из самых сильных колебаний обменного курса в своей истории: курс доллара США к турецкой лире резко вырос с 3,75 в декабре 2017 г. до 7,22 в августе 2018 г. [Gür, Tatliyer, Dilek 2019: 146]. После ряда мер со стороны Р.Т. Эрдогана, призвавшего соотечественников не беспокоиться о колебаниях курса национальной валюты, к концу 2019 г. турецкая экономика продемонстрировала положительные результаты [Надеин-Раевский 2019: 275].

Тем не менее в настоящее время экономика Турции находится в крайне уязвимом положении из-за финансовой нестабильности и отсутствия самостоятельного доступа к углеводородным ресурсам. Р.Т. Эрдоган, понимая это положение, стремится получить более независимый доступ к ресурсам через военно-политическую экспансию в Азербайджане, Сирии, Ливии и Катаре. Доступ к нефти и газу и другим источникам обеспечит стабильную позицию для проведения внешней политики и преодоления кризиса роста турецкой экономики. Необходимо также учитывать, что Севрский и даже Лозаннский мир отрезали Турцию от источников доступа к углеводородам, что впоследствии во многом обусловило условия зависимого развития ТР от своих западных союзников на протяжении почти 100 лет. Поэтому военно-политическая

²⁰ 61 inci Hükümet Programı // Resmi Gazete. 13.07.2011. Sah. 6. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2011/07/20110717-1.htm> (accessed: 14.12.2020).

экспансия и экономическое развитие для современной Турции, ставшей на путь возрождения в качестве влиятельного глобального актора, идут рука об руку.

ТИКА как проводник «мягкой силы»

Одним из важных параметров оценки становления Турции в качестве глобального влиятельного актора является фактор «мягкой силы». После окончания холодной войны турецкое руководство вне зависимости от партийной принадлежности начинает искать новые формы и методы продвижения своей внешней политики. Следствием этих поисков стало учреждение Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТИКА; ТИКА), которое было образовано в январе 1992 г. на основании решения Кабинета министров. Деятельность агентства регулируется Законом о структуре и задачах ТИКА № 4668, вступившим в силу 12 мая 2001 г. [Akıllı, Çelenk 2019].

Эволюция деятельности агентства должна рассматриваться в зеркальном отражении возможностей государства. С момента прихода к власти в 2002 г. ПСР и до настоящего времени возможности государства и, следовательно, ТИКА для проведения своей экспансии резко расширились, что проявилось уже к середине 2000-х гг. Однако именно в этот период произошел переход от пантюркистских концепций во внешней политике Республики к реализации панисламистской доктрины в рамках реализации концепции «стратегической глубины», которая в общем сводится к лидерству Турции в суннитском мире, но при этом пантюркистские проекты были интегрированы в панисламистские как часть в целое.

При исследовании внешней политики Турции в отношении постсоветского пространства целесообразно выделить следующие этапы ее реализации.

1. 1992—1997 гг.: период реализации внешнеполитических проектов на пантюркистской основе; идея создания исключительной зоны влияния Турции — от Балкан до Великой китайской стены. Данный вектор активно поддерживался ресурсами западных

государств, прежде всего США; идея создания единой конфедерации всех тюрков, включая не только государства, но и отдельные территории. Из-за нехватки возможностей по «внешнеполитическим инвестициям» Турция свернула реализацию данных идей после очередного внутреннего финансового кризиса 1997 г.

2. 1997—2002 гг.: период неопределенности во внешней политике Турции, пересмотр прежних приоритетов и сужение внешнеполитической экспансии и деятельности ТИКА до гуманитарных, образовательных и культурных проектов.

3. 2002—2009 гг.: период реализации ближневосточных инициатив, в том числе в деятельности ТИКА.

4. 2009—2020 гг.: новое издание тюркского проекта во главе с Турцией — Совета сотрудничества тюркоязычных государств (куда вошли Турция, Азербайджан, Киргизия, Казахстан и Узбекистан), который имеет в большей степени цивилизационное (панисламистское) измерение, чем националистическое (тюркское). Во втором издании пантюркистского проекта речь идет исключительно о состоявшихся государствах (с богатой энергетической экспортной базой), исключая отдельные тюркские территории. Таким образом, сужен масштаб и повышен «коэффициент полезного действия» внешнеполитических инициатив в энергетической сфере [Ирхин 2016: 105—106].

Бюджетные возможности ТИКА в 1990-е гг. — начале XXI в. были сравнительно невелики, что объяснялось в первую очередь не только хронической нехваткой средств, но и недостаточным контролем за их использованием. В период с 2003 по 2013 г. бюджет ТИКА увеличился почти в пять раз по сравнению с периодом 1992—2002 гг., а по состоянию на 2011 г. турецкая помощь в размере 1,2 млрд долл. США была предоставлена более чем сотне стран [Akıllı, Çelenk 2019]. Именно ТИКА позволяет Турции выходить на глобальный уровень в соответствии с целями внешней политики, которые начали озвучиваться руководством ПСР с 2007 г.

В настоящее время ТИКА, осуществляя проекты сотрудничества в рамках помощи развитию в более чем 150 странах на пяти континентах, является одним из двигателей бренда Турции как на национальном, так и международном уровнях. Количество офисов Агентства в мире увеличилось с 12 в 2002 г. до 25 — в 2011 г. и до 62 — в 2020 г.

По данным официального отчета ТИКА, в 2019 г. Турция оказала другим странам помощь в различной форме на общую сумму в 9 371,77 млн долл. США, из которой государственные средства, вложенные в «мягкую силу», составили 8 806,89 млн долл. США, а остальные были предоставлены частными организациями и лицами (564,88 млн долл. США)²¹. Расходы Турции на гуманитарную помощь и помощь, направленную на развитие других стран, в размере 1 % ВВП позволяют ей занимать лидирующую позицию в мире по этому показателю, а руководству — оправданно называть Турцию «совестью мира»²².

Выступая на ГА ООН в сентябре 2019 г., президент Турции Р.Т. Эрдоган отметил, что Турция — государство, чья деятельность нацелена на справедливость и справедливое урегулирование проблем на международной арене. Назвав Турцию самым щедрым государством мира в гуманитарной сфере, президент подчеркнул, что оно занимает первое место в мире по соотношению гуманитарной помощи и ВВП²³.

Таким образом, «мягкая сила» не потеряла своего значения для внешней политики государства при переходе руководства Турции к более жестким действиям. Как отмечает В.А. Аватков, «Турецкая Республика реализует широкую внешнеполитическую деятельность, заключающуюся в расширении своего влияния за счет целого ряда механизмов и

инструментов “мягкой силы” — распространения собственных ценностей и идей» [Аватков 2019: 125]. Глава Турции представляет Республику как лидера и защитника всех мусульман мира, способного доказывать справедливость своих слов военной силой. Следовательно, отход руководства Турции от «стратегической глубины» к «моральному реализму» свидетельствует не об отрицании эффективности «мягкой силы», а о переходе к оптимальному соотношению «жесткой» и «мягкой силы» в своей внешней политике.

Российско-турецкие отношения

Современные российско-турецкие отношения представляют собой взаимодействие в сложной системе сдержек и противовесов, которую Анкара и Москва выстраивают, опираясь на исторический опыт и геополитическую динамику. До военного конфликта в Нагорном Карабахе осенью 2020 г. данная система работала на двух уровнях.

Первый — это непосредственное взаимодействие двух региональных держав по стратегическим направлениям:

- 1) разделение сфер влияния в Черноморском регионе [Larrabee 2010: 84];
- 2) сотрудничество в сирийском конфликте;
- 3) экономическое и военно-техническое сотрудничество;
- 4) взаимодействие в других сферах, направленное на формирование многополярности нового мироустройства и большей свободы выбора региональных держав в военной, финансово-экономической сферах и в целом в сфере реализации национальных интересов [Ульченко, Шлыков 2014: 13].

Особенностью этого уровня взаимодействия видится и то, что сфера сотрудничества в российско-турецких отношениях является одновременно и зоной конкуренции, то есть в каждом из этих направлений, казалось бы, сотрудничества, существует значительный потенциал конфликтности.

Второй уровень двусторонних отношений связан с конкуренцией России и Турции, которая в настоящее время осуществляется опосредованно, через создаваемую двумя

²¹ Türkiye kalkınma yardımları raporu 2019 // TİKA. 2019. Sah. 12. URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/sayfa/publication/2019/TurkiyeKalkinma2019Web.pdf> (accessed: 30.11.2020).

²² Ibid.

²³ Выступление президента Турецкой Республики г-на Реджепа Тайипа Эрдогана // ООН. 24.09.2019. С. 23—30. URL: <https://undocs.org/ru/A/74/PV.3> (дата обращения: 30.11.2020).

сторонами систему стран-партнеров и союзников. Армения, Греция, Израиль, Иран, Украина, Азербайджан, Турецкая Республика Северного Кипра и др. в своей внешней политике получают четко противоположную ориентацию в рамках системы взаимодействия Москвы и Анкары, формируя тем самым региональный баланс сил.

Однако с осени 2020 г. проявляется *третий уровень* взаимодействия Турции и России: непосредственная военно-политическая силовая конкуренция Москвы и Анкары, прежде всего, на Южном Кавказе. Похоже, что политика ПСР усиливает турецкий потенциал по четырем показателям силы и, объективно нарушая сложившееся с периода окончания Первой мировой войны равновесие, выводит Турцию в число лидеров в трех важных регионах Евразии: в Восточном Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке, в Черноморском регионе — и стремится через Южный Кавказ получить непосредственный военно-политический и энергетический доступ в Центральную Азию.

Система российско-турецких противоречий имеет ясную природу:

1) турецкая концепция лидерства в исламском мире потенциально угрожает целостности России;

2) интеграционная активность Турции в рамках пантюркистских площадок, главной из которых является Совет сотрудничества тюркоязычных государств (Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан), противоречит российским интересам на Южном Кавказе и в Центральной Азии;

3) турецкая политика на Ближнем Востоке — в зоне «стратегической глубины», особенно по сирийской проблематике, слабо совместима с российскими подходами [Халилева 2013];

4) непризнание Турцией российского статуса Крыма и активное военно-политическое и военно-технологическое сотрудничество с Украиной полностью противоречит российским подходам в западной части постсоветского пространства;

5) замещение Турцией российских газовых поставок из Азербайджана и Катара

после реализации Россией дорогостоящих трубопроводных проектов по дну Черного моря («Голубой» и «Турецкий» потоки) является критическим для окупаемости вложенных инвестиций.

Авторы предполагают, что в ближайшее десятилетие в Черноморско-Средиземноморском регионе будет сформирована новая геополитическая реальность, которую можно обозначить как возрождение традиционных региональных центров силы на фоне эрозии проекта глобализации. Такая архитектура мира будет преобладать до формирования новой системы международных отношений, которая, как показывает исторический опыт, сформируется на период не менее 50 лет. Поэтому, хотя Р.Т. Эрдоган и использует идеалистическую риторику, критикуя «мир пяти», сложившийся после Второй мировой войны, по сути, Турция пересматривает итоги Первой и Второй мировых войн, полностью пользуясь инерцией окончания холодной войны, исключительно в духе *Realpolitik*.

Москва и Анкара имеют амбивалентные геополитические интересы и экономические связи и как два региональных субъекта обречены быть одновременно и союзниками, и конкурентами, однако в текущий исторический период правительства великих держав прилагают усилия для преобладания сферы сотрудничества в российско-турецких отношениях. Современное беспрецедентное сближение России и Турции повторялось в истории двусторонних отношений государств неоднократно (Ункяр-Искелесийский договор 1833 г., большевистско-кемалистское сближение в начале 1920-х гг.), однако это лишь подчеркивает цикличность и изменчивость таких отношений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, справедливость стала не только брендом ПСР, но и лозунгом внутренней и внешней политики правящей турецкой партии. «Мир больше пяти» (*Dünya Beşten Büyüktür*) — вот тезис, который популяризирует лидер Турции, критикуя структуру и

систему принятия важных решений управления миром внутри ООН, когда пять постоянных членов СБ имеют привилегированный статус, что является отражением несправедливости современного мирового порядка, сформировавшегося после Второй мировой войны. Отсутствие справедливости в отношении распределения всех видов ресурсов в мире, создание мировых систем за счет мусульманской цивилизации и несправедливый военно-политический порядок, когда члены ядерного клуба используют это оружие для политического давления, но препятствуют получению ядерных технологий другими государствами, должны быть изменены (либо в сторону его полного запрещения, либо — либерализации режима доступа к ядерным технологиям).

Архитекторы Версальского и Лозаннского мира почти на 100 лет создали систему сдерживания возрождения великодержавного потенциала Турции, однако ПСР, пользуясь инерцией победы США в холодной войне, пересматривает итоги Второй и Первой мировых войн, становясь геополитическим и цивилизационным центром развития. Этому способствует объективная эрозия проекта глобализации и размывание основ *Pax Americana*.

По четырем параметрам силы: военному, экономическому, технологическому и культурному — Турция может быть отнесена к региональным державам с секторальным лидерством в глобальном масштабе в военных показателях и в сфере притягательности массовой культуры — «мягкой силе».

Сопоставление основных параметров силы России и Турции доказывает безусловное преимущество первой в «жесткой силе»: военных технологиях и экономическом объеме ВВП, однако конфликты в Азербайджане, Ливии и Сирии показали, что за годы правления ПСР проведенные военные реформы и реформы ВПК создали условия для повышения субъектности Анкары сразу в нескольких критических регионах мира: на Ближнем и Среднем Востоке, в Черноморско-Средиземноморском регионе, на Кавказе и — потенциально — в Центральной Азии. Кроме

того, сопоставление площади двух государств показывает, что и на ВВП России, и на армию ложится гораздо бóльшая нагрузка по обеспечению безопасности и поддержанию инфраструктуры пространства. Площадь России в 21,8 раза больше площади Турции, а объем ВВП России всего в два раза превышает турецкий.

Понимая ресурсную уязвимость турецкой экономики, необходимо отметить совершенно разную структуру российского и турецкого экспорта и стремление Р.Т. Эрдогана получить непосредственный доступ к газу и нефти за счет военных инвестиций.

Во-вторых, благодаря ПСР Турция вновь обрела веру в свою государственную и цивилизационную исключительность, так как деятельность ПСР вернула ей статус стержневого государства исламской цивилизации. В настоящее время государственная идеология Турции — это синтез идей неосманизма как триединой сущности: колыбель цивилизации, лидер исламского мира, пространство мультикультурализма, пантюркизма и панисламизма. Последнее идеологическое направление позволяет Турции выходить на глобальный уровень влияния и позиционировать себя защитником мусульман всего мира. Для подтверждения данного статуса Турция направляет масштабные инвестиции в сферу «мягкой силы», которые в условиях наличия привлекательной идеологии показывают свою эффективность.

В-третьих, если победители в Первой мировой войне лишили центр распавшейся Османской империи ресурсов для возможного имперского возрождения, то интеграция ТР в западные военные и экономические системы после Второй мировой войны происходила на условиях формирования зависимого развития в таких ключевых позициях, как армия и ВПК, экономическая модель, формирование элиты через западные образовательные и грантовые программы и, как следствие, — моделирование турецкой внешней политики. Лидеры ПСР во многом освободились от данной зависимости, что и определяет их более независимый внешнеполитический курс и внутренние реформы по укреплению

горизонталю президентской власти. Хотя армия, как ранее, не может эффективно смещать турецкую элиту (перевороты в 1960, 1971, 1980, 1997 гг. и неудавшийся в 2016 г.), все же фактор финансовой зависимости от мировых финансовых центров остается актуальным и сдерживает амбиции Р.Т. Эрдогана.

В-четвертых, становление Турции в качестве влиятельного глобального актора формирует систему перспектив и военно-политических рисков для России. Причем со временем риски становятся все более очевидными, а перспективы призрачными. К перспективам можно отнести ту систему возникающих противоречий, когда региональные амбиции Турции столкнулись с глобальными амбициями США.

По сути, американский проект «Большой Ближний Восток» столкнулся с турецкой концепцией «стратегической глубины» в первом десятилетии XXI в. Инерция этих противоречий сохраняется и сегодня, однако в российской политике и экспертном сообществе их масштаб и характер существенным образом переоцениваются. США и Турция вследствие объективных геополитических факторов находятся в состоянии стратегического союза и тактических разногласий. В данном контексте можно прогнозировать, что убывающая мощь США будет

масштабировать потенциал российско-турецких противоречий.

После 2014 г. Россия вернулась к активной внешней политике в Черноморско-Средиземноморском регионе, которая напрямую затрагивает интересы Анкары. Следовательно, логика действий российской элиты в рамках приведенной оценки возрождения Турции в качестве региональной державы и «глобального влиятельного актора» должна исключать создание в ответ на российскую внешнеполитическую активность в регионе объединенной коалиции держав Запада и Турции по аналогии с Крымской войной 1853—1856 гг.

Наиболее вероятный сценарий развития современного глобального кризиса — это распад мира на ряд валютных и военно-политических макрорегионов, среди которых: американская зона, включающая Северную и Южную Америку, европейская зона германизированной Европы, Британская зона, которая в большей мере будет охватывать британское Содружество наций, Индийская и Индо-Тихоокеанская зона, Турция и неоосманское пространство, Иран с выстраиваемой зоной «шиитского полумесяца», китайский макрорегион — и очень хотелось бы, чтобы самостоятельным интеграционным центром влияния стала и Россия, осуществив, наконец, евразийскую интеграцию.

Поступила в редакцию / Received: 10.12.2020
Принята к публикации / Accepted: 21.01.2021

Библиографический список

- Аватков В.А.* Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 4. С. 113—129. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129
- Ирхин А.А.* Внешняя политика руководства партии справедливости и развития Турции и геополитические интересы России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Философия, Политология, Культурология». 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 51—62.
- Ирхин А.А.* США и Турция: стратегический союз и тактические разногласия. Ретроспектива и прогноз. Севастополь: Рибест, 2016.
- Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты. Екатеринбург: Гонзо, 2018.
- Надеин-Раевский В.А.* Турция: непростой союзник // Год планеты: ежегодник. Вып. 2019 г.: экономика, политика, безопасность / под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьева. М.: Идея-Пресс, 2019. С. 274—286.
- Ульченко Н.Ю.* Новый путь Турции? // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 90—101.

- Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М.: Институт востоковедения РАН, 2014.
- Халилева Д.Р. Конфликтный потенциал в современных отношениях России и Турции // Науковий вісник ОНЕУ. Економіка, політологія, історія. 2013. № 12 (191). С. 146—169.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016.
- Шпаковская М.А., Барнашов О.В. Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции // Азия и Африка сегодня. 2018. № 2. С. 30—36.
- Akilli E., Çelenk B. TİKA's Soft Power: Nation Branding in Turkish Foreign Policy // Insight Turkey. 2019. Vol. 21. No. 3. P. 135—151. DOI: 10.25253/99.2018EV.05
- Aliriza B., Aras B. U.S.-Turkish Relations: A Review at the Beginning of the Third Decade of the Post-Cold War Era // CSIS Report. 2012. P. 1—22.
- Flanagan S., Larrabee S., Binnendijk A., Costello K., Efron S. et al. Turkey's Nationalist Course: Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020.
- Gür N., Tatliyer M., Dilek Ş. The Turkish Economy at the Crossroads: The Political Economy of the 2018 Financial Turbulence // Insight Turkey. 2019. Vol. 21. No. 4. P. 135—160. DOI: 10.25253/99.2019214.08
- Irkhin A., Moskalenko O., Nelina L., Beloglazov R., Demeshko N. Building a New World Order: Russia and the Competition of Civilizational Projects // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Vol. 102. International Scientific Forum “National Interest, National Identity and National Security”. 10—12 March 2020. London: European Publisher, 2021 (в печати).
- Keyman E.F. A New Turkish Foreign Policy: Towards Proactive “Moral Realism” // Insight Turkey. 2017. Vol. 19. No. 1. P. 55—69. URL: <https://www.insightturkey.com/fuat-keyman/a-new-turkish-foreign-policy-towards-proactive-moral-realism> (accessed: 30.11.2020)
- Larrabee F.S. Troubled Partnership: U.S.-Turkish Relations in an Era of Global Geopolitical Change. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2010.
- Larrabee F.S., Lesser I.O. Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2003.
- Wastnidge E. Imperial Grandeur and Selective Memory: Re-assessing Neo-Ottomanism in Turkish Foreign and Domestic Politics // Middle East Critique. 2019. Vol. 29. Iss. 1. P. 7—28. DOI: 10.1080/19436149.2018.1549232

References

- Akilli, E., & Çelenk, B. (2019). TİKA's Soft Power: Nation Branding in Turkish Foreign Policy. *Insight Turkey*, 21(3), 135—151. DOI: 10.25253/99.2018EV.05
- Aliriza, B., & Aras, B. (2012). *U.S.-Turkish Relations: A Review at the Beginning of the Third Decade of the Post-Cold War Era*. CSIS Report, 1—22.
- Avatkov, V.A. (2019). Ideology and Values in Turkey's Foreign Policy. *MGIMO Review of International Relations*, 12(4), 113—129. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129
- Flanagan, S., Larrabee, S., Binnendijk, A., Costello, K., Efron, S. et al. (2020). *Turkey's Nationalist Course: Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
- Gür, N., Tatliyer, M., & Dilek, Ş. (2019). The Turkish Economy at the Crossroads: The Political Economy of the 2018 Financial Turbulence. *Insight Turkey*, 21(4), 135—160. DOI: 10.25253/99.2019214.08
- Huntington, S. (2016). *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST publ. (In Russian).
- Irkhin, A., Moskalenko, O., Nelina, L., Beloglazov, R., & Demeshko, N. (2021). Building a New World Order: Russia and the Competition of Civilizational Projects. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. Vol. 102. International Scientific Forum “National Interest, National Identity and National Security”. 10—12 March (in press).
- Irkhin, A.A. (2016). *The USA and Turkey: Strategic Alliance and Tactical Differences. Retrospective and Forecast*. Sevastopol: “Ribest” publ. (In Russian).
- Irkhin, A.A. (2019). The External Policy of the Justice and Development Party of Turkey and Geopolitical Interests of Russia. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*, 5(3), 51—62. (In Russian).
- Kennedy, P. (2018). *The Rise and Fall of the Great Powers*. Yekaterinburg: Gonzo publ. (In Russian).
- Keyman, E.F. (2017). A New Turkish Foreign Policy: Towards Proactive “Moral realism”. *Insight Turkey*, 19(1), 55—69. URL: <https://www.insightturkey.com/fuat-keyman/a-new-turkish-foreign-policy-towards-proactive-moral-realism> (accessed: 30.11.2020).

- Khalileva, D.R. (2013). Conflict Potential in Modern Russian-Turkish Relations. *Naukovy Vistnik ONEU. Economic, Political and Historical Science*, 12(191), 146—169. (In Russian).
- Larrabee, F.S., & Lesser, I.O. (2003). *Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
- Larrabee, F.S. (2010). *Troubled Partnership: U.S.-Turkish Relations in an Era of Global Geopolitical Change*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
- Nadein-Raevskiy, V.A. (2019). Turkey: The Difficult Ally. In V.G. Baranovski & E.G. Soloviev (Eds.), *Year of the Planet: Yearbook 2019*. Moscow: Idea-Press publ. (pp. 274—286). (In Russian).
- Shpakovskaya, M.A., & Barnashov, O.V. (2018). The Concept of Neo-Ottomanism as an Instrument of “Soft Power” of the Foreign Policy of Turkey. *Asia and Africa Today*, (2), 30—36. (In Russian).
- Ulchenko, N.Yu., & Shlykov, P.V. (2014). *The Dynamics of the Russian-Turkish Relations under Instability*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN publ. (In Russian).
- Ulchenko, N.Yu. (2012). Turkey’s New Way? *World Economy and International Relations*, (6), 90—101. (In Russian).
- Wastnidge, E. (2019). Imperial Grandeur and Selective Memory: Re-assessing Neo-Ottomanism in Turkish Foreign and Domestic Politics. *Middle East Critique*, 29(1), 7—28. DOI: 10.1080/19436149.2018.1549232

Сведения об авторах: *Ирхин Александр Анатольевич* — доктор политических наук, заведующий кафедрой «Политические науки и философия» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (e-mail: alex.irhin@mail.ru).
Москаленко Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (e-mail: kerulen@bk.ru).

About the authors: *Irkhin Aleksandr Anatolievich* — PhD, Dr. of Sc. (Political Science), Head, Political Science and Philosophy Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (e-mail: alex.irhin@mail.ru).
Moskalenko Olga Aleksandrovna — PhD in Philology, Associate Professor, Theory and Practice of Translation Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (e-mail: kerulen@bk.ru).